

Павлов В. Л., Савельева М. Ю.

«Другой русский» (Опыт культурной ассимиляции Н. В. Гоголя)

Нельзя не признать, что творчество Гоголя — одно из самых сложных для восприятия мировым читателем в силу исключительной сюжетной, стилистической и ментальной самобытности. Но это не означает, что судьба его за рубежом — быть превратно понимаемым либо же оставаться безынтeресным¹. Это тот редкий случай, когда интерес к произведениям писателя может усиливаться интересом к нему как личности и гражданину, точнее, к его уникальному и весьма удачному опыту встраивания в российский ментальный контекст, с которым он изначально совпадал лишь частично и по необходимости — как подданный Империи. Поэтому, видимо, вопрос о культурном (само)определении Гоголя-писателя ещё долго будет оставаться полем столкновения различных научно-исследовательских и идеологических позиций.

Главная проблема не в том, чтобы привязать писателя к какой-то одной, строго определённой, национальной культуре в ущерб другим, а в том, чтобы адекватно понять основание его принадлежности ко всем без исключения культурам, оказавшим влияние на его творческое становление. Однако сложности восприятия культурной принадлежности Гоголя изначально обусловлены спецификой его мышления, отличавшегося постоянной борьбой и частой подменой полярных мировоззренческих представлений. Писатель всегда воспринимал себя как будто со стороны, глазами внешнего наблюдателя, — вечно казался себе другим, находящимся, к тому же, не на своём месте — и метафизически, и географически. Можно сказать, он своими силами создал **миф собственной личности**, сквозной идеей которого стала невозможность воспринимать себя и родину таковыми, какими они есть. Родиной ему была не Россия — Италия; сам он — не украинец, русский. Правда, «другой русский», поскольку не являлся им в действительности. Но всё же «другой русский», так как не желал ограничивать ни жизнь свою, ни творчество рамками какой-либо единственной безальтернативной культуры.

Эти метания подогревались абсолютным влиянием Петербурга, куда Гоголь стремился с юности. Атмосфера северной столицы была такой же многозначной, мифологической: город жил и воспринимал себя «своим среди чужих, чужим среди своих»²; он — такой же «другой русский», как и Гоголь. Оказавшись там, писатель это сразу почувствовал. Но почувствовал *амбивалентно*: с одной стороны, закономерно и долгожданно, — отсюда и опасливо-уважительный страх перед столицей России; с другой — неестественно и мучительно; отсюда и постоянное желание бежать оттуда и вообще из России (но не на «малую родину»!).

Сам Гоголь вряд ли мог последовательно оценивать собственные пристрастия и степень собственной принадлежности к украинской и русской культурам. Это обстоятельство неоднократно отмечалось позднейшими исследователями. К примеру, Д. Н. Овсяннико-Куликовский обращал внимание на то, что писатель не делал различий между «общественным», «национальным» и «государственным» как феноменами: «...Бессознательно, инстинктивно Гоголь... “ухватился” за своё великое национальное значение, как за суррогат общественного значения, — он, смешав национальное с общественным, стал смотреть на своё дело художника, как на орудие осуществления своей общественной стоимости. Работая над “Мёртвыми душами” и поэтически созерцая Русь из прекрасного далёка, он лелеял мысль, или, скорее, иллюзию, будто тем самым он становится непосредственным участником общественной... жизни своего отечества, входит органическим звеном в ту социальную среду, которую он называл “Русью”»³. Это, кстати, кажется совершенно нетипичным свойством для выходца из Украины. Тем не менее, подобно Ломоносову, Гоголь всю жизнь «...хотел чувствовать свой “социальный вес” в обширном целом, именуемом Русью, он стремился стать единицей в государстве... <...> Ему казалось, будто он, как автор “Ревизора” и “Мёртвых душ”, являясь поэтом национальным, как бы состоит на государственной службе, точно это казённые торжественные оды. <...> И чем больше двигался он в своём вдохновенном труде, тем больше укреплялся он в мысли, что делает дело имеющее государственную важность,

во всяком случае такое, которому правительство должно покровительствовать»⁴. Это подтверждается перепиской писателя и воспоминаниями современников. Не будучи русским, Гоголь испытывал ощутимый душевный дискомфорт от любых ситуаций, в которых как-то могло проявляться его национальное происхождение. Вряд ли это было проявлением комплекса неполноценности. Нет, он вовсе не стеснялся того, что он украинец, но можно согласиться с тем, что «Гоголь, в отличие от Шевченко, не принял романтическую идею нации, дробившую мир»⁵. И в этом смысле подавал себя как «*более русский*», нежели любой этнический русский. Поэтому он с таким пиететом относился к имперскому государству — воспринимал его не как политический, а как общекультурный, позитивный, синтезирующий феномен, помогающий нейтрализовать национальные различия: «И постепенно "Русь", объект его художественного творчества, излюбленный предмет его поэтических созерцаний, превращалась для него в государственно-национальную среду, где он стремился стать... действующею силою, орудием которой должна была служить моральная проповедь. Этим путём он и думал претворить "непостижимую связь", которая "таилась" между ним и Русью, в ту вполне постижимую, осязательную, живую связь личности с целым, которую мы называем осуществлением общественной стоимости человека»⁶.

Символическая инаковость отношения Гоголя к самому себе с особой силой выражалась в его неповторимой манере изъяснения. Русский язык его произведений — такой же «другой», как и сам автор, о чём написано предостаточно. Ещё Андрей Белый настаивал на том, что творчество Гоголя как будто «перекошено» в сторону формы от содержания⁷. Действительно, лишённое структурного равновесия, оно требует повышенного внимания именно к форме, каковой выступает его ни с чем несравнимый язык. **Форма творчества является непосредственным выражением его оснований; язык Гоголя неавтономен, однако и не пассивно зависим от воли автора, во многом определяя и сюжеты, и структуру произведений.**

Скрупулёзный анализ стиля показывает, что Гоголю не было свойственно бессознательное, автоматическое употребление литературного языка. *Он постоянно контролировал свою речь, наблюдал за нею, как будто занимая одновременно две взаимоисключающие позиции — субъекта языка и наблюдателя за собой как субъектом.* Поэтому у него крайне редко встречаются случайные слова, выражения, обороты, — в особенности там и тогда, где и когда они кажутся неуместными, ошибочными, не до конца понятными. Такими, к примеру, являются уже неоднократно отмеченные переводчиками и комментаторами странные, какие-то тяжеловесные выражения в поэме «Мёртвые души»: «знать о всех подробностях проезжающего»⁸, «носовые ноздри»⁹, «произвёл небольшое молчание»¹⁰ и др. Писатель не просто повествовал, а как будто при этом ещё и знакомился с языком и читателя знакомил. *Гоголь пробовал язык «на язык», демонстративно подступался к нему, — пытался не просто «узнать» его, а сперва «увидеть» как таковой (В. Б. Шкловский), удивлялся ему, как удивляются чему-то привычному и вдруг оказавшемуся незнакомым при восприятии с неожиданной стороны.* Возможно, *Гоголь стремился внушить читателям, что языки не делятся на «родные» и «неродные», «знакомые» и «незнакомые»,* ведь стоит только внести даже малейшее разнообразие, и сразу же начинают чувствоваться странность, чуждость языка, проступает его таинственная и автономная «внутренняя жизнь». Хотя бы однажды субъект языка чувствует, что родная и безусловно понятная речь *перестает быть способом адекватного отражения, становясь препятствием* к пониманию сущности вещей. И если носитель языка хоть раз это почувствовал, ему приходится признавать, что *нет смысла превозносить «родной» язык над другими только потому, что он стал первым, освоенным в жизни.* Таким образом, следуя логике писателя, *нет смысла отдавать предпочтение ближайшему сообществу над другими только потому, что ощущаешь языковую принадлежность к нему.*

Однако тщетно искать в этой установке политический подтекст! Гоголь был не политиком — писателем, тщательно избегавшим каких-либо разбирательств по поводу национальной и политической принадлежности. Для него

важно было сохранение эстетического удовольствия от языка, его поэтического, художественного качества, которое не может восприниматься само по себе, без видимых усилий понимания.

Вот почему отношение Гоголя к русскому языку было наполнено символизмом. Превосходность степени его оценки роли русского языка среди других мировых языков напоминает известное мнение Ломоносова: «Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щёголем блеснёт и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает своё, не всякому доступное умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово»¹¹. Это дало основание некоторым критикам отбрасывать «обычное представление о Гоголе — как малороссе в собственном смысле. При малорусском происхождении, он был, по национальности, не малоросс, а общерусс»¹². Ибо «давно доказано, что художественно творить на языке не родном... — это психологическая невозможность; на неродном, на искусственно усвоенном языке можно только сочинять, упражняться в слоге, но нельзя поэтически — мыслить...»¹³

Утверждение спорное и коварное, поскольку легко опровергается и подтверждается историческими примерами: шотландец Вальтер Скотт писал по-английски; К. Маркс иногда писал по-французски; дневники и некоторые поэмы Т. Шевченко написаны по-русски, и т. д. Однако интересно то, что Гоголь «даже и не пробовал творить на малорусском языке...»¹⁴. Ведь логика требует, чтобы «великий поэт, если бы он был настоящий малоросс по национальности, по языку, с психологической необходимостью должен был бы написать «Вечера на хуторе» прежде всего на своём родном языке»¹⁵. Гоголь же безоговорочно отдавал предпочтение русскому, доказательством чего являются его собственные слова: «Дивишься драгоценности *нашего* (по контексту — русского; выделено — *В. Л., М. С.*) языка: что ни звук, то и подарок; всё зернисто, крупно, как сам жемчуг, и право, иное название драгоценнее самой вещи»¹⁶.

Впрочем, нетрудно также заметить, что Гоголь нигде не называл себя «русским» и вообще не обозначал свою национальность. Видимо, потому что не рассматривал национальность как проблему. Лишь говорил о необходимости изучения русского языка и о том, чтобы сделать его едва ли не единственным для всех славян: «Нам... надо писать по-русски... надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племён. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня — язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан»¹⁷. Конечно, его позиция не отличалась научной обоснованностью и до сих пор вызывает множество вопросов. Почему, скажем, писатель, старавшийся быть толерантным, чуть ли не космополитом, превозносил русский язык над другими? Возможно, потому, что считал его лексически и структурно более богатым: в нём много интернализмов и архаизмов, переиначенных на славянский лад греческих, немецких и французских слов... Однако сходные черты можно отыскать и в других языках. Возможно, Гоголь соглашался с тем обстоятельством, что русская культура была одной из немногих, где особенности становления языка напрямую отражали особенности её политического становления. Иными словами, имперские тенденции к объединению различных народов находили выражение в языке путём развития приёмов абстрагирования и обобщения. По мнению Гоголя, это как нельзя лучше способствовало усвоению русского языка в других культурах и утверждению его как межнационального способа общения.

Это означает, что *действительная* культурная ассимиляция возможна лишь как *всеобъемлющее и объединяющее* явление — и для личности, и для культуры, в которую эта личность вписывается. Только в процессе синтеза можно помочь личности избежать ущемления её национального и культурно-исторического достоинства и *совокупными* усилиями сформировать *самостоятельную, более масштабную* культуру. В частности, такую, какой была имперская российская культура. Хотя в основе этой культуры превалировали великорусское мировоззрение и великорусский язык, но без вклада других славянских культур создаваемое явление не могло выполнять функций общерусской куль-

туры и не могло по-настоящему объединять своих субъектов. Вот почему, несмотря на то что Гоголь обращался и к украинским, и к русским сюжетам, в его текстах не чувствуется национального «раздвоения личности». Напротив: он сам являлся уникальным примером личностно воплощённого продуктивного «синтеза культур». Любовь к России потому и была в нём столь искренней, что уравновешивалась любовью к Украине. И это делало его открытым и для европейской культуры, в чём он сам неоднократно признавался.

¹ См. обзорный анализ: *Гарин И. И.* Гоголь и Запад // *Гарин И. И.* Загадочный Гоголь. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2002. С. 607–613.

² См.: *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. Т. 2. Таллинн: Александра, 1992. С. 14–15.

³ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Гоголь // *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Собрание сочинений. Изд-е 4-е, дополн. СПб.: Изд-е И. Л. Овсянко-Куликовской, 1912. С. 130, 131.

⁴ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Указ. соч. С. 130.

⁵ *Михед П.* Гоголь в контексте русской и украинской культур [Электронный ресурс] // [Интернет-журнал «Филолог»] http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_18_364 (дата обращения: 14.06. 2014)

⁶ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Указ. соч. С. 132.

⁷ См.: *Андрей Белый.* Мастерство Гоголя. Исследование. М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1934. С. 7.

⁸ *Гоголь Н. В.* Мёртвые души. Том первый // *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 6. 1951. С. 35–47. (5–247)

⁸ *Гоголь Н. В.* Указ. соч. С. 8.

⁹ *Гоголь Н. В.* Указ. соч. С. 35.

¹⁰ *Гоголь Н. В.* Указ. соч. С. 124.

¹¹ *Гоголь Н. В.* Указ. соч. С. 109.

¹² *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Указ. соч. С. 156. Овсянко-Куликовский полагал, что национальность человека определяется не этнической принадлежностью, не происхождением, а «родным языком». Тем, который усваивается с детства от родителей и ближайшего окружения и служит человеку естественным средством выражения его мыслей. Отсюда и его вывод о национальности Гоголя.

¹³ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Указ. соч. С. 157.

¹⁴ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Указ. соч. С. 160.

¹⁵ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Указ. соч. С. 163.

¹⁶ *Гоголь Н. В.* Предметы для лирического поэта в нынешнее время: (Два письма к Н. М. Я....у) // *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. 1952. С. 279.

¹⁷ Исторический вестник. — 1881. — № 12. С. 479.